

Рецензируемая книга уже упоминалась на страницах нашего журнала в связи с дискуссией по статье А. И. Першица и Я. С. Смирновой¹. Кроме того, отдельные наиболее важные теоретические положения ее были развернуты автором в статье «Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения)», также опубликованной в журнале². Эти публикации сами по себе служат свидетельством актуальности проблем, поднятых в книге.

Как отмечает сам автор, тема книги шире, чем ее название. Здесь рассматриваются не только этикетные формы поведения, но и проблемы традиционно-бытовой культуры общения адыгов в целом. С другой стороны, анализ этих проблем не носит всеобъемлющего характера, так как в книге лишь бегло затронуты сложнейшие вопросы застольного этикета, этикетные стороны обрядов жизненного цикла и т. д. В работе сформулированы предмет, задачи и методы изучения этнографической специфики культуры общения, рассмотрены базисные ценности, лежащие в основе построения этикетных норм у адыгов (терпимость, скромность, гостеприимство, почтение к женщине и старшим) и проанализированы такие важнейшие области культуры общения, как ритуалы приветствия и прощания, т. е. маркеры начала и конца взаимодействия, стандартизированные формулы речевого общения (благопожелания, тосты и пр.), объекты и формы коммуникативных запретов, ограничений и т. д.

Короче говоря, перед нами своего рода демонстрация, притом довольно удачная, возможностей и областей приложения так называемой этнографии общения.

Автор показывает в вводной части работы, что изучение культуры общения имеет большое значение для понимания этнодифференцирующих и этноинтегрирующих функций культуры. В то время как в производственной и материально-бытовой частях культуры этническая специфика нередко даже изначально бывает представлена довольно слабо, а в наши дни чаще всего почти полностью нивелируется, в формах общения она проявляется и удерживается очень активно. Кроме того, если тип орудия или строения на практике редко встречается в чистом виде (обычно через ряд вариантов он постепенно переходит в другие типы), то определенный стандарт поведения при общении является в высокой степени дискретным, каждое его правило образует четко очерченный знак и в целом культура общения выступает именно в виде вполне оформленной знаковой системы.

Этикет — ядро культуры общения, но он не ограничен одними лишь коммуникативными функциями. Есть нормы этикета, относящиеся именно к ним, скажем, когда сообщение направлено от равного к равному или от младшего к старшему. Однако, например, нормы определяющие «пристойную» форму принятия пищи, сами по себе с общением не связаны, хотя и не лишены коммуникативной значимости: их соблюдение декларирует принятие индивидом существующих норм коммуникации, создает для последней благоприятный нейтральный фон. В этом смысле представляется вполне обоснованной идея Б. Х. Бгажнокова о различении понятий *стандарт* и *атрибут общения*. (стр. 8—14). То же следует заметить и в отношении вводного понятия этноэтикет. Что же касается возможности выделения в рамках этнографической науки особого направления под названием этнографии общения, то это не вызывает у нас никаких сомнений, ибо лишь таким образом можно стимулировать исследование проблем национально-культурной специфики общения, лежащих на стыке этнографии с другими смежными с ней научными дисциплинами.

В динамике развития правил поведения автор выделяет три стадии: неопределенность, регламентация и обобщение. Первая из них связывается с зарей человеческого общества, когда люди, скорее всего, только нащупывали пути стандартизации взаимодействия. Вторая стадия, характерная как для развития родового строя, так и для рабовладения и феодализма, характеризуется тенденцией к избыточной многочисленности и чрезмерной детализации правил. Третья стадия, современная, связана с эмансипацией личности, когда норма теряет детальность и ограничена лишь общим предписанием.

На наш взгляд, эта схема, в принципе верная, нуждается в ряде поправок.

Поведение людей на заре становления общества не было неопределенным. Как и у всяких стадных животных, оно регулировалось сложной системой норм этологического типа. Но нормы эти были безусловны, они предопределялись и наследовались биологически. По мере вытеснения в развивающемся обществе биологического начала социальным, на смену безусловным этологическим нормам приходили условные социальные,

¹ Я. С. Смирнова, А. И. Першиц. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? — «Сов. этнография», 1978, № 6; С. А. Арутюнов. Анализ и оценка избегания. — «Сов. этнография», 1979, № 1; Б. Х. Бгажноков. О значении этической позиции ученого в этнографическом исследовании. — Там же; Г. Е. Марков. Обычай избегания и проблема «пережитков». — Там же; С. А. Токарев. «Избегание» и «этикет». — Там же; Я. С. Смирнова, А. И. Першиц. Еще раз о формационном и релятивистском подходах к оценке культурных явлений. — «Сов. этнография», 1979, № 5.

² См.: «Сов. этнография», 1978, № 5.

этикетные нормы, но периода существенной неопределенности норм тут, очевидно, быть не могло.

Однако не столько на заре истории, сколько именно в наши дни возникают и стремительными темпами развиваются новые сферы поведенческой активности. Массовый воздушный транспорт, коммунально-торговое самообслуживание, быт многоквартирных домов в кварталах нового строительства — вот сферы, где можно наблюдать неопределенность, неразработанность норм коммуникации. Было бы интересно поставить вопрос о том, каким путем, через избыточность или иначе, будут эти нормы развиваться.

Нам представляется правомерной постановка такого вопроса в данной рецензии, ибо вводная глава книги Б. Х. Бражнюкова имеет общетеоретический характер, не ограниченный задачей исследования этикета традиционного общества. Остальные же главы книги посвящены именно этому сюжету на адыгском материале. Эта часть книги в не меньшей мере, чем вводная, заслуживает высокой оценки, она насыщена интересным фактологическим материалом и содержит ряд важных в общетеоретическом плане замечаний и разработок.

В частности, представляется верным и в методологическом плане весьма ценным указание на то обстоятельство, что традиционно-бытовая культура общения адыгов сохранила больше общих черт, нежели язык (стр. 22), который, как известно, имеет столько диалектных вариаций у разных этнографических групп адыгов, что в отдельных случаях становится невозможным взаимное понимание между их представителями, вплоть до разделения общадыгского языка на два относительно самостоятельных языка — кабардино-черкесский и адыгейский. При соответствующем развитии этого вскользь брошенного замечания открывается широкое поле для сопоставления культуры общения и диалектного членения языка в целях уточнения представлений о таких в настоящее время широко обсуждаемых в этнографии понятиях, как этнос, этническая общность, этнографическая группа и т. п.³

Заметным вкладом в разработку общетнографических проблем и проблем этнографии адыгов следует признать анализ конструктивных принципов адыгского этикета, и прежде всего принципов гостеприимства и почитания женщин. Не все, что говорится автором по этому поводу, представляется бесспорным. Однако нельзя отказать ему в оригинальности и достаточной аргументированности изложения этих отнюдь не новых для этнографии проблем. Что же касается анализа фактической коммуникации (типа бессодержательных формул вежливости), паралингвистических средств общения (мимики, жестов и т. д.) и системы табуации, то эти фрагменты книги хочется отметить особо. Насколько нам известно, наличие фактической коммуникации, как ее понимал Б. Малиновский, до сих пор скорее декларировалось⁴, нежели исследовалось на конкретном материале. Б. Х. Бражнюков по существу первым, во всяком случае у нас в стране, предпринял попытку более или менее детально рассмотреть эту форму взаимодействия людей на конкретном материале традиционно-бытовой культуры общения отдельно взятого этноса. В известном смысле то же самое можно сказать об анализе ряда неречевых (паралингвистических) стандартов и атрибутов общения, содержащихся в книге, хотя описание этой сферы культуры общения адыгов нельзя признать полным, всеохватывающим. Наконец, вполне правомерным представляется вычленение из общей массы традиционных запретов класса коммуникативных табу с дальнейшим подразделением их на языковые, тематические, контактные (с. 118). Возможно, эти положения внесут некоторую ясность в сложнейшую проблему табуации и тем самым станут подспорьем для дальнейших разработок в этой области и не только собственно этнографических, но и лингвистических, социологических, семиотических.

В ткань исследования автор вводит большое количество пословиц, поговорок, которые, помимо того, что они сами по себе являются фрагментами традиционно-бытовой культуры общения этноса, дополняют, уточняют описание этнографических явлений. Вообще необходимо отметить удачное сочетание в работе полевых, фольклорных, литературных источников, использование теоретического и эмпирического арсенала целого ряда смежных с этнографией дисциплин: лингвистики, психологии, социологии, литературоведения. К достоинствам книги можно отнести и ее в целом живой, свежий язык, хотя в отдельных случаях он несколько перегружен специальными терминами, особенно иностранного происхождения.

На наш взгляд, книга Б. Х. Бражнюкова написана на достаточно высоком научном уровне, с большим знанием и пониманием как общей литературы предмета, так и конкретного адыгского этнографического материала.

И все же она не лишена некоторых фактических неточностей. Неверно утверждение (с. 62), что грузины не знают слова «намус», (честь, порядочность), хотя его значение в грузинском языке и вправду уже, чем у кабардинского «нэмыс». Понятие «адыггеге» («адыгство» в смысле «благородство», «человечность», «честь», «достоинство», «соблюдение правил приличия» и т. п.) в значительной мере потеряло осознаваемую этноцентрическую нагрузку, если вообще когда-либо ее имело. Заметим в этой связи, что его заимствовали и употребляют абазин, которые себя адыгами не называют. Определенное противоречие есть между утверждениями на с. 24, что «решительный, красноречи-

³ См. об этом: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 10—11.

⁴ См., например: R. Jakobson. Linguistics and poetics. — «Style in Language». New York — London, 1960, p. 356.

вый простолюдн зачастую имеет большее влияние на ход общественных дел, чем трусливый, слабовольный, косноязычный князь», и на с. 35, что «безусого князя или дворянина сажали на почетное место, а старцы из числа низшего сословия не смели даже «стать с ними рядом». Что же касается приглашения в дом (с. 100—102), то оно не полностью бессодержательно: хотя обычно следует вежливый отказ, но в случае необходимости непереносимость произнесения данной формулы дает возможность без всяких помех воспользоваться приглашением. В числе прочих недостатков, диссонирующих с общим хорошим впечатлением от книги, надо отметить малое привлечение архивных материалов, которые, насколько нам известно, имеются и могут быть с успехом использованы для более полного освещения поднятых в книге проблем.

Все эти и некоторые другие сравнительно мелкие и легко устранимые погрешности и недостатки не могут существенным образом снизить высокую ценность рецензируемой книги. Она интересна не только для специалиста, но и для самого широкого читателя.

Известно, что в наши дни создание современных ритуалов, и не только ритуалов, но и вообще норм общения, социалистических по содержанию, но продолжающих лучшие народные традиции в их форме и в осмыслении, имеет большое значение. В городах КБАССР, например, взаимообогащение культур, взаимные благотворные контакты людей разных национальностей ярко проявляются в бытовой практике. Например, при бракосочетании людей, не являющихся адыгами — русских, украинцев и др., при участии их друзей-кабардинцев в ритуал свадьбы вводится множество элементов традиционной кабардинской обрядности. Это явление в целом, несомненно, положительное, говорящее о растущем культурном сближении народов нашей страны. Но для того чтобы процессы этого сближения и выработки новых социалистических норм общения протекали не только стихийно, но и осознанно, необходимы теоретические и фактические исследования по традиционной культуре общения народов СССР. Книга Б. Х. Бгажикова один из важных шагов в этом направлении.

С. А. Арутюнов, А. К. Шагиров

Новгородские былины. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1978, 456 с. (серия «Литературные памятники»).

Изданная в серии «Литературные памятники» антология «Новгородские былины» — вторая за последние годы подобная работа Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого (в 1974 г. в этой же серии вышел подготовленный ими сборник «Добрыня Никитич и Алеша Попович»). В рецензируемой книге развиваются и углубляются принятые в предыдущем сборнике принципы публикации и комментирования текстов, методология их исследования; сюжеты новгородских былин рассматриваются на широком фоне славянских эпических традиций, балто-славянских и финско-славянских культурных связей, с учетом новейших данных археологии, этнографии, топонимии, диалектологии.

Среди ученых до сих пор нет единства в решении вопроса о вкладе новгородцев в развитие русского эпоса; многие склонны его преувеличивать. Составители рецензируемого сборника занимают осторожную позицию, высказывая целый ряд серьезных возражений против «отождествления севернорусской или даже всей русской эпической традиции с новгородской» (с. 330). В статье «Новгород и русская эпическая традиция» выдвигается тезис о смешанном характере былинного репертуара русского Севера, убедительные доводы в пользу этого положения приведены и в статье В. В. Коргузалова «Напевы былин новгородского цикла», в примечаниях к публикуемым текстам.

В кратких, но богатых информацией и популярно написанных разделах о социальной структуре и быте средневекового Новгорода, о путях новгородской колонизации Севера, об основных этапах собирания русских былин также содержится немало фактов, свидетельствующих о том, что в репертуаре северных сказителей тесно переплетаются эпические традиции, занесенные как из пределов бывшей новгородской метрополии, так и из центральной России. Особенно полезным в этом плане представляется нам подробный анализ материалов северных экспедиций МГУ 1956—1964 гг., участниками которых были составители рецензируемого сборника.

Не вызывает возражений и решение другого спорного вопроса — какие именно сюжеты считать собственно новгородскими, т. е. созданными в древнем Новгороде. Здесь авторы статьи и примечаний также проявили необходимую научную осторожность.

Одно из важнейших достоинств рецензируемого сборника — удачный отбор и научно мотивированное расположение текстов. При подготовке антологического издания нетрудно поддаться искушению «показать товар лицом», отобрав для него яркие, высокохудожественные произведения, свидетельствующие об огромном твор-